

Советская кинорежиссура
14.VII.60.

ЧЕЛОВЕК ОТКРЫВАЕТ КИНО

МИР

а выдавшая виды, потрепанная работа — трехтонка, идущая по очередному наряду в будничном районном рейсе. Кадры эти словно бы раскрывают изнутри то чувство подлинности, несомненности прямых и светлых путей в жизни, которое было намечено уже в начале фильма: широкая, точно по линейке вычерченная трасса, уверенно пересекающая экран по диагонали.

В ФИЛЬМЕ есть еще один герой — отчим мальчика Коростелев, превосходно сыгранный С. Бондарчуком. Настоящей сердечной, душевной близостью с этим человеком определяются первые Сережины шаги по жизни. Он постигает красоту трудной, до краев наполненной многими тревогами, многими обязанностями жизни Коростелева. Он узнает от него впервые большой смысл простого слова «необходимо». Сережино открытие мира оттого и становится таким радостным, что обнаруживает он в жизни подлинную ценность. Счастливая трудность первооткрытия создает в фильме ту ясность, ту атмосферу большой и подлинной чистоты, которая делает его ткань такой светлой и поэтической.

Очень своеобразна та всепроникающая, лирическая интонация, в которой решена картина в целом. Своего взгляда на жизнь авторы не отождествляют с детским восприятием Сережи. Они умеют восстановить на экране истинные соотношения вещей, истинное значение событий, великолепно владеют сложной и тонкой техникой подбора «восстановления». Делается все это весело, задорно, остроумно...

Величественно возникает на экране белоснежная фигура: безукоризненно отутюженная, безукоризненно накрахмаленная громада — «дядя-капитан», моряк дальнего плавания, герой и идеал всех мальчишек в поселке. Вот она — романтика во плоти, романтика, так чудесно, материализовавшаяся, чудом явленная из заморских стран и с

достоинством движущаяся по пыльной улице поселка! «Дядя-капитан» (артист В. Меркурьев) идет по русскому полю ржи, по проселочной русской дороге, мимо русских кудрявых берез. А музыкальным фоном к этому декоративному «проходу» звучат тягучие, пародийно-надрывные, по-эстраднему стонущие ритмы гавайской гитары, к которым невольно принаравливает свой шаг «дядя-капитан». Неотступно следуют за ним безраздельно преданные, мгновенно и навсегда покоренные мальчишки. Конечно, они не увидят того, что увидели, чему улыбнулись постановщики, — что «дядя-капитан» не так уж уверен в себе, что он тяжело дышит, что он оброс предательским жирком. Не заметят того, что неотразимый капитан, пожалуй, в чем-то виноват: и перед женщиной с разбитыми работой руками — сестрой, и перед этим городком — родным, но забытым среди чудес экзотики. И, может быть, даже перед этим восторженным, безраздельным ребячьим почитанием.

История с «дядей-капитаном» рассказана авторами с умной усмешкой одновременно и над тем, кто лишен воображения, и над тем, кто страдает от его избытка. Она увидана уже не Сережиними глазами. Пятилетнему Сереже всего этого, наверняка, даже и не понять. Это — уже история «для больших»...

В ПРОЛОГЕ к фильму Сережа со всех ног бежит вдогонку за товарищами для того, чтобы сообщить им удивительную новость: оказывается, у него есть сердце! Но тут же он делает открытие еще более изумительное: оказывается, сердце есть у всех.

Так уже с самого начала определяется счастливый характер Сережиных открытий: он открывает в людях самого себя и в себе самом узнает окружающих — он узнает, что составляет одно с людьми. И в этом — главный пафос картины, в этом — ее большое дыхание.

Т. ИВАНОВА.

Кадр из фильма «Сережа». Коростелев — С. Бондарчук, Сережа — Боря Бархатов.

В НОВОЙ КАРТИНЕ студии «Мосфильм» «Сережа» есть один очень органично в нее входящий, очень остроумно задуманный эпизод. В зрительном зале кинотеатра сидят директор совхоза «Ясный берег» Коростелев и его пятилетний сын Сережа. Перед ними — Коростелев, снятый для очередного выпуска журнала кинохроники. Коростелев в зале смотрит на Коростелева на экране. Он видит человека, явно хотя и неумело позирующего, одетого в неловко сидящий, стесняющий движения «парадный» костюм, слышит казенно-безликие, «парадные», «под суфлера» сказанные фразы. Коростелев на экране не нравится Коростелеву, сидящему в зрительном зале. Он раздраженно передергивает плечами, смотрит на экран с неодобрением, с мучительным чувством внутренней неловкости. На самом деле Коростелев совсем другой — гораздо умнее, своеобразнее, проще. И жизнь в «Ясном берегу» гораздо более интересная, гораздо более содержательная, чем та, которую так неумело попытались показать незадачливые кинооператоры.

Может быть, и не следует преувеличивать особого внутреннего смысла, скрытого в этом эпизоде. В проникнутом умным юмором фильме он звучит не как декларация, а как равноправная составная часть. И все-таки сцена эта не случайна в картине. Намеренно или неосознанно, но она свидетельствует об определенных творческих антипатиях и пристрастиях ее создателей.

АВТОРЫ «СЕРЕЖИ» утвердили этим фильмом свою художественную солидарность с той группой молодых советских кинорежиссеров, которые выступили со своими первыми картинами на протяжении последних пяти-семи лет. Поиски, которые велись и ведутся молодыми кинорежиссерами, идут по самым разнообразным направлениям. Чухрай, Хуциев, Кулиджанов, Сегель, Алов, Наумов, Чхендзе, Абуладзе... «Молодое поколение» нашей кинорежиссуры включает людей разных творческих индивидуальностей. Одних привлекает героическая романтика, других — лирически раскрытый быт, третьих — высокий пафос. Но при всей несхожести побед и ошибок «молодых» роднят не только примерная одинаковость возраста или примерная одновременность режиссерских дебютов. И если «точки притяжения» у них различны, то «точки отталкивания» почти всегда совпадают. Это нелюбовь к ходулям и кутурнам, неприятие холодной, несогретой изнутри риторики, нежелание скользить взглядом лишь по поверхности явлений, лишь по поверхности человеческих лиц.

Опираясь в своих лучших работах на традиции советского кинематографа, режиссеры «молодого поколения» стремятся как можно пристальнее взглянуть во внутренний мир человека — нашего современника, внимательнее разобраться в нем, подробнее рассказать про него. После выхода в свет «Сережи» к их числу прибавилось еще два молодых режиссерских имени — Г. Данелия и И. Таланкин.

МЕЧУЩИЕСЯ по потолку тени веток ночного сада и зигзагами набегающие на них свет-

лые отблески воды в аквариуме. Таинственный гул, вдруг доносящийся из створки тесно прижатой к уху морской раковины. Дорога, стремительно уходящая вдаль, — может быть, в соседний «райцентр», а может быть, и за тридевять земель... В детстве все это кажется особенно захватывающим и необычайным. Поставленный по повести В. Пановой фильм «Сережа» (авторы сценария В. Панова, Г. Данелия, И. Таланкин) имеет подзаголовок — «Несколько историй из жизни очень маленького мальчика». Но это не просто рассказ о мальчишеских приключениях, а нечто гораздо большее — повесть об открытии мира.

Пятилетний мальчик внимательно смотрит на мир. Что же увидим мы, если взглянем на этот, наш, мир глазами Сережи? Оказывается, очень многое. Мы увидим то, к чему давно уже привыкли, к чему успели приглядеться, что разучились замечать. То же самое... Но вдруг увидим все это глазом жадным, наблюдательным, любопытным.

Взрослому человеку, вернувшемуся к местам своего детства, неизбежно покажется, что за время его отсутствия дома и деревня стали ниже, улицы уже, тропинки короче. В картине «Сережа» происходит как бы восстановление первоначального видения. И мы снова увидим, как широки поля, как высока колокольня, как наполнена жизнь тихой улицы поселка.

Перед пятилетним героем открывается картина мира, светлого и радостного, но далеко не «голубого и розового». «История из жизни маленького мальчика» оказывается и историей «взрослой» жизни — так тесно все связано в ней, так неразрывно переплетено одно с другим. Сделанный с замечательной поэтичностью и юмором рассказ о покупке велосипеда, когда скромный магазин оборачивается вдруг сказочным игрушечным царством, где все звенит и поет и весело подмигивает задохнувшемуся от счастья Сереже, соседствует на экране со сценами, звучащими куда серьезнее и строже. Четырнадцатилетний Женька «принимает решение» — уйти в ремесленное училище. И решение это дается пареню не просто, и стоят за ним вещи совсем не веселые — жизнь на хлебах у нелюбимой тетки, сиротство, опостылевшие попреки и угрозы. Женька не пропадет — в этом уверен Сережа, в этом уверены и авторы картины. Но те большие дороги жизни, по которым предстоит пройти и Женьке, и Сереже, и Ваське, вместе с тем и трудные дороги. Для того чтобы с честью пройти по ним, от каждого потребуется запас мужества, твердости, решимости.

И вот появляются на экране превосходные, по-настоящему романтические кадры. («Сережа» — дебют не только постановщиков, но и оператора А. Ниточкина). Широкая, прямо, как стрела, уносящаяся вдаль автострада, по краю которой идут несколько детских фигур, совсем маленьких перед этой бескрайней далью, перед мощной асфальтовой полосой шоссе. И увозит Женьку по этой зовущей вперед дороге не нарядная «победа», бесшумно скользнувшая мимо ребят,